

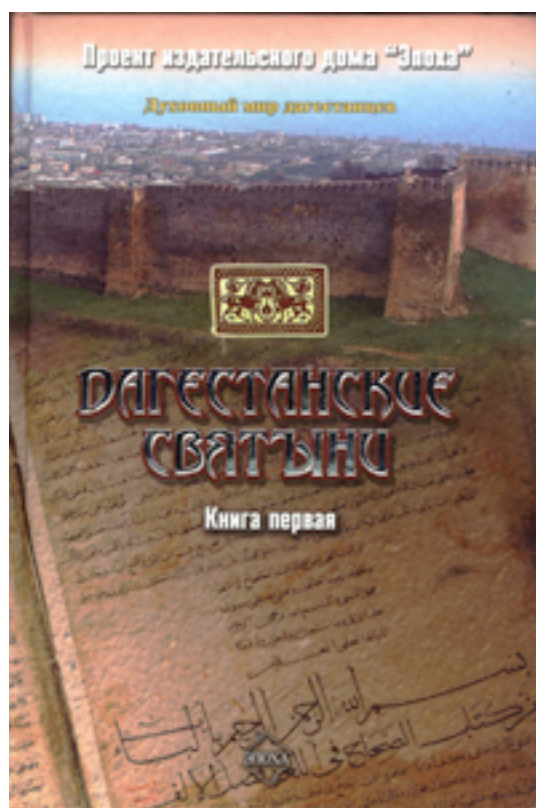
Проект издательского дома "Эпоха"

Духовный мир дагестанца

ДАГЕСТАНСКОЕ СВАТЫНД

Книга персеп

Духовный мир дагестанцев

**Дагестанские святыни.
Книга первая**

«Эпоха»

2007

Дагестанские святыни. Книга первая / «Эпоха»,
2007 — (Духовный мир дагестанцев)

Первый выпуск сборника «Дагестанские святыни» ставит своей целью раскрыть многие аспекты выработанного тысячелетними совместными усилиями народов Страны гор известного во всем мире так называемого феномена Дагестана – феномена социально-экономического и этнополитического устройства, культурно-исторического развития, дружественного сосуществования десятков народов на протяжении многих веков, выработки уникальных традиций, создания высочайшей духовной и материальной культуры. Не случайно этот феномен назван рядом зарубежных и общественных ученых и общественно-политических деятелей Дагестанской цивилизацией.

Содержание

Феномен Дагестана	7
Дагестан. Феномен социально-экономического и этнополитического устройства и культурно-исторического развития	7
Литература	22
Древние города Дагестана	24
Город-музей Дербент	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дагестанские святыни. Книга 1

Составитель А. Р. Шихсаидов

Редакционный совет:

Г.Г. Гамзатов, Г.М. Гамзатов, А.Р. Шихсаидов

Редакционная коллегия:

М.С. Гаджиев

А.Р. Наврузов

А.Р. Шихсаидов (ответ, редактор)

Феномен Дагестана

Дагестан. Феномен социально-экономического и этнополитического устройства и культурно-исторического развития

А.Р. Шихсаидов

Дагестан – это сочетание двух слов: тюркского «даг» (гора) и персидского «стан» (место, страна). Страна гор. Вот уже почти шестьсот лет, как это название присвоила себе небольшая часть земли на Восточном Кавказе, на западном берегу Каспийского моря. Мы сталкиваемся здесь с фантастическим перепадом высот, сменой географических зон – от Каспийского моря и Приморской равнины, что на 28 м ниже уровня океана, до лежащих под вечным снегом горных вершин, достигающих 4000 м высоты. Если ко всему этому добавить, что на территории Дагестана на каких-то 50 тыс. кв. км проживает три десятка народностей, относящихся, согласно лингвистической классификации, к трем языковым семьям – кавказской, тюркской, индоевропейской, то мы можем представить себе в общих чертах этнический облик и культурно-историческое своеобразие этого региона.

Эта этническая дробность, этническая дифференциация дагестанского общества были предметом внимания не одного поколения исследователей, выдвигавших различные версии происхождения многоязычия, среди которых важное место занимала теория решающего значения географического фактора. Иными словами, изоляция обществ, разделенных горами и труднопроходимыми перевалами, определила этнический облик региона, в данном случае Дагестана. Сторонников подобной постановки вопроса не смущало то обстоятельство, что многие горные районы Кавказа, изрезанные горами, не дали языкового разнообразия. Не объясняли этническую дробность и эндогамные формы брака, исторически характерные для Дагестана. Была выдвинута и миграционная теория, объяснявшая этнолингвистическую пестроту дагестанского общества как «вклад постепенного ветвями на Кавказ народов древнейшего культурного мира на юге» (Н. Я. Марр), иными словами – речь идет о многочисленных народах, носителях древнейшей цивилизации, передвинувшихся в древности в Дагестан из зоны междуречья Тигра и Евфрата.

Впервые в дагестанской, точнее, кавказской историографии оптимальное решение вопроса о сущности и причинах многоязычия в Дагестане, отличное от вышеназванных, предложил известный ученый М.А. Агларов. Изучив древние формы общественно-политических структур, устойчиво сохранившиеся вплоть до середины XIX в. (община – джамаат, самодовлеющая структурная единица: объединение нескольких джамаатов, «связанных между собой и политическим самоуправлением» и получивших в литературе название вольное общество или республика; союз, федерация вольных обществ), одновременно – этнолингвистическую ситуацию в них, он убедительно представил мнение о том, что «этническая ситуация в Дагестане является порождением уникальной многочастной раздробленной политической системы», что именно длительная политическая раздробленность привела к этническому многообразию.

Античные и арабские раннесредневековые авторы «уловили» это многообразие Восточного Кавказа, хотя не делают попыток выявить и генетические (вернее, социогенетические) аспекты. Они пишут о нескольких десятках языков (от 26 до 70) в этом регионе.

В XVIII в. децентрализация политической власти, наличие большого числа независимых владений и обществ были уже феноменом, «за спиной которого» было минимум от пяти-

сот до двух тысячелетий истории. В «Истории Дагестана» об этом времени, т. е. о XVIII в., написано: «Дагестан по-прежнему был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений, союзов сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лезгинских «вольных обществ». Это общеизвестное положение было удачно интерпретировано М.А. Агларовым, чтобы утвердить, что именно длительная политическая раздробленность лежала в основе полиэтнической структуры дагестанского общества.

Изучение раннесредневековой истории Дагестана показало, что в V – X вв. его территория была разделена на большое число раннефеодальных владений, формировавшихся по многоэтническому принципу. Речь идет о таких владениях, как Лакз, Гумик, Табасаран, Хайдак, Филан, Зирихгеран, Сарир и другие. Впоследствии некоторые вообще потеряли свою самостоятельность, влились в состав более сильных государств (Филан, Зирихгеран). Ряд государственных единиц (Дербент, Кумухское шамхальство, Кайтагское уцмийство) усилились, включив в свой состав владения с иным этническим составом.

В X – нач. XIII вв. изменилась и политическая карта Дагестана. Ряд государств или феодальных владений усилился, упрочив свои позиции за счёт других владений, приняв полиэтнический облик. Некоторые же владения, потеряв свою самостоятельность, вошли в состав сильного владения или же распались на более мелкие единицы, союзы сельских обществ.

В середине X в. прекратил свое существование Хазарский каганат, крупнейшее государство на территории Северо-Восточного Кавказа, Подонья и Нижнего Поволжья, существовавшее более трехсот лет. К XI в. потерял свою самостоятельность ряд мелких политических образований, таких как Шандан, Филан, Карах. Распались на отдельные, независимые территориальные единицы (скорее всего, союзы сельских обществ) Лакз и Табасаран. Вместе с тем усиливаются Дербент, Гумик (с XI в.), Кайтаг, Серир (в X–XI вв., а в XII в. он также распадается на отдельные части).

Таким образом, явно вырисовывается процесс неравномерного политического развития: централизация политической власти в одних владениях сопровождается политической раздробленностью в других. Однако в этом двуедином процессе главным в X – начале XIII вв. выступает фактор децентрализации, приведший к усилению ранее существовавших или возникновению новых союзов сельских обществ.

XIII–XV вв. внесли много нового в политическую карту Дагестана. Внешние факторы сыграли решающую роль (на равнине и в предгорье) в сфере политических, экономических, земельных, этносоциальных отношений. Два разрушительных похода монгольских войск на территорию Дагестана, столкновение на этой же территории интересов двух монгольских государств – Золотой орды (Джучиды) и Хулагуидов, вылившее в длительное военное противостояние, походы Тимура в конце XIV в. – последней четверти XV в. – все эти факторы нарушили естественный ход развития событий, активизировали перераспределение форм земельной собственности, разрушили баланс земледельческих и скотоводческих традиций, обеспечили окончательную культурную победу тюркского этнического прессинга, начавшегося в IV – X вв. Самое главное – события XIII–XV вв. разрушили сложившееся в X – XIII вв. экономическое единство Дагестана, единство гор и равнин (об этом ниже).

Упомянутый выше процесс формирования многоязычия имеет свои особенности. Каждая община, союз их или суперсоюз, взятый отдельно, представляет собой самодовлеющую этническую единицу. Иное дело – город. Средневековой город имеет обычно многоэтнический облик. Это хорошо прослеживается на примере Дербента (Баб ал-абваба). Его трансформация от моно-этничности к полиэтничности можно подтвердить письменными сообщениями. В VI в. это был город-крепость с иранскими (персидскими) колонистами, а в VIII в. – это адми-

нистративный и идеологический центр с преобладающим арабским населением как в самом городе, так и в его окрестностях. В IX – X вв. это уже крупный торгово-экономический, ремесленный, административный и идеологический центр на Кавказе.

Мусульманский город с арабским, в основном, населением давал приют и представителям местного населения. Город был полон газиев, формировавшихся, как правило, из местных деклассированных элементов. В X в. Дербент был уже «городом многих городов». Первым это заметил арабский географ ал-Истахри (ум. ок. 951 г.), когда писал, что «иногда (руббама) жители Баб ал-аббаба говорят на хазарском языке и на остальных языках их гор».

Демократическое развитие города шло в сторону дальнейшего проникновения в город дагестанских этнических групп. В 1131 г., когда город посетил известный путешественник и историк Абу Хамид ал-Гарнати, он имел встречу на маджлисе с жившими здесь представителями тринадцати языков. Он перечисляет эти языки в таком порядке: лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, гумикский, серирский, аланский, асский, зарихкаранский, тюркский, арабский, персидский. Сообщение это по своей подробности и информативности не имеет аналогов в исторической литературе до XIX в. включительно, оно свидетельствует об исключительной любознательности и осведомленности испанского араба-путешественника. Встречу эту организовал дербентский эмир (имя его не названо), один из грамотнейших людей того времени. Ал-Гарнати разъяснял на арабском языке содержание очень популярного в мусульманском мире сочинения по праву. «У меня на занятиях, – писал ал-Гарнати, – присутствовали люди из этих народностей, а он (эмир города. – А. Ш.) объяснял [содержание этой книги] каждой народности на её языке».

В VII – XVI вв. прошел важнейший процесс в идеологической жизни дагестанского общества. Дагестан стал мусульманским регионом. Во всех государственных образованиях, сельских обществах и союзах новая монотеистическая религия стала господствующей, вернее, конфессиональному, плюрализму пришла на смену единая религиозная система. Ислам стал государственной религией. Это не означало, однако, что остальные религиозные представления были изжиты и потеряли вою привлекательность. Временами (особенно в X в.) срабатывала идея религиозной толерантности, в ряде территорий (Хайдак, Зирихгеран, Авария, Семендер) – идея религиозной веротерпимости. Ислам, христианство, иудаизм в X в. сосуществовали в этих районах на правах толерантности. Однако события последующих веков внесли в эту систему взаимоотношений определенные коррективы. Сосредоточенные в районе Дербента «исламские центры»; ряд дагестанских селений, выступавших в качестве «Гази», воителей за веру (Кумух, Ихрек, Цахур, общество Гидатль); гибкая внешнеполитическая и дипломатическая политика Ширвана в южных районах Дагестана; политика тюрков-сельджуков, господствовавших

в течение последней четверти XI – XII вв. в Дербенте, равнинных районах Дагестана; политика монголов, перешедших в начале XIV в. в поддержку ислама на завоеванных территориях; наконец, действия Тимура в конце XIV в., поддержка им ислама, открытие новых медресе и других очагов исламского образования, преследования христиан и их школ – все это привело к повсеместному упрочению ислама, а в XV – XVI вв. этот процесс завершился и в Западном Дагестане.

Феномен дагестанского опыта исламизации – почти тысячелетний отрезок времени. Рассказы о том, что арабы руками Абумуслима еще в начале VIII в. покрыли весь Дагестан сетью мусульманских культовых сооружений, остаются в области исторических преданий. То же самое можно говорить о ряде дагестанских хроник («Дербенд наме», «История Абу Муслима» и др.), писавших о повсеместной исламизации Дагестана в начале арабских завоеваний.

Можно выделить несколько этапов исламизационного процесса, вернее, истории ислама в Дагестане: вторая половина VII в. – первая половина X в.; вторая половина X в. – XVI в.; XVII– XVIII вв.; XIX – начало XX вв.; 20-е – начало 80-х годов XX в.; вторая половина 80-х

годов XX в. – настоящее время. Эти этапы охватывают как исламизацию вширь (первые два этапа), так и всю последующую её историю. В данной статье речь идет о первых двух этапах (вторая половина VII – первая половина X вв. и вторая половина X–XVI вв.), отличавшихся друг от друга не только темпами распространения новой религии и социальными условиями, но и гасителями и проповедниками религиозных идей. Территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, причём ислам утверждается, как правило, сначала в феодальных владениях, и лишь затем проникает в широко представленные здесь союзы сельских общин. Последнее обстоятельство было закономерно для всего Дагестана в целом, возможно, и для других областей.

Арабский халифат сыграл важнейшую роль в истории многих народов, оказавшихся в сфере исламского мира. Именно в халифате «процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой ислам, новая монотеистическая религия со своеобразной системой этико-правовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в Аравии и распространившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперёд определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь на их жизни до сего дня».

Первые шаги арабо-мусульманской культуры в Дагестане, а затем её мощное и глубокое проникновение во все слои общества – важный, неравномерный, противоречивый, длившийся столетиями процесс. Он до сих пор слабо изучен, несмотря на его чрезвычайную актуальность и выдающуюся роль во всех сферах жизни дагестанского общества.

«Движущие силы» этой культуры – арабский язык и ислам – проникли в Дагестан вместе с завоевательными походами арабов, но на многие века пережили эти походы, стали составной частью культуры дагестанских народов, сыграли огромную роль в формировании письменного литературного наследия, образования, нравственных критериев.

Нет ни одного более или менее важного вопроса истории и культуры народов Северного Кавказа, в частности дагестанского общества, при исследовании которого можно было бы пренебречь фактом исламизации. Ислам и языческие верования; земельные отношения и социальная жизнь; памятники письменной культуры; арабский язык, арабская колонизация и отношение к местным языкам; культурные контакты с народами Ближнего Востока и Средней Азии; государственная власть и социальная терминология; вопросы генеалогии и составные части местной исторической традиции – это лишь неполный перечень факторов, испытавших на себе в той или иной степени интенсивности влияние процесса проникновения и утверждения ислама, арабо-мусульманской культуры.

Не менее важным обстоятельством был и беспрецедентный, затянувшийся почти на тысячелетие процесс исламизации Дагестана, небольшой территории на Северо-Восточном Кавказе. Длительный путь ислама в Дагестане – итог стечения многих обстоятельств: борьба местного населения против попыток установить господство и навязать новую религию вместо господствовавших здесь языческих представлений, а также христианства, занимавшего в некоторых местах сильные позиции; столкновение хазар и арабов; политическая раздробленность Дагестана, вернее, наличие на его территории большого числа политических единиц, маленьких государств (Дербент, Лакз, Гумик, Хайдак, Серир и др.), вполне самостоятельных. Исламизация ближайших к халифату областей (Дербент, Табасаран, часть Лакза, Хайдака) не распространялась одновременно на более дальние, горные и высокогорные районы. Политическое господство не всегда сопровождалось победой в области идеологии. Арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам, несмотря на военный нажим и экономические мероприятия, утвердился к этому времени на территории, занимающей примерно пятую часть региона. Если в X–XVI вв. ислам медленно, но уверенно проникал во все дагестанские земли,

то, наряду с другими, политические и культурные факторы оказались более эффективными, нежели военные акции.

Ряд обстоятельств, сопровождавших исламизационный процесс, определил здесь устойчивый характер и своеобразие новой монотеистической религии, пришедшей на смену конфессиональному плюрализму. Речь идет о комплексе внутри- и внешнеполитических факторов, содействовавших утверждению новой цивилизации как историко-культурного феномена, уверенно оттеснившего позиции господствовавших ранее языческих представлений, а также христианства, имевшего сильное влияние в ряде отдельных районов.

Изменения в социальной, экономической и идеологической жизни привели к повсеместному подъему различных видов монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Нет ни одной области художественного творчества, в которой не были созданы превосходные произведения, представляющие собой важную часть культурного наследия народов Дагестана. Еще в раннем средневековье сформировались крупные центры художественной обработки металла, ювелирного производства, ткачества, ковроделия, керамического искусства.

Исламизация Дагестана сопровождалась впечатляющими успехами в двух существенных областях культуры – строительной практике (в том числе в монументально-декоративном творчестве) и письменной культуре. Строительная деятельность развернулась во всем Дагестане, появились многочисленные культовые сооружения (мечети, минареты, медресе).

Среди памятников строительной деятельности особое место по своему значению и совершенству принадлежит культовым сооружениям города Дербента. Ранним памятником культового зодчества является Джума-мечеть – один из ярких архитектурных ансамблей города.

Комплекс Джума-мечети, расположенный в верхней, древней части города, состоит ныне из самой мечети, медресе и двора между ними

Наибольший интерес в этом комплексе представляет, разумеется, Джума-мечеть. Это один из самых превосходных памятников города и наиболее крупное мусульманское культовое сооружение в России.

В настоящее время комплекс Джума-мечети, окруженный многочисленными застройками, не воспринимается посетителями как крупнейшее сооружение Дербента. Но, как справедливо отметил крупный исследователь архитектурных памятников СО. Хан-Магомедов, «тем не менее комплекс Джума-мечети играл в древнем Дербенте очень важную роль. То, что сейчас воспринимается как небольшой внутренний двор, в действительности являлось самой крупной площадью Дербента, более крупной, например, чем торговая площадь. Важно также учитывать и то впечатление, которое производила в восточном городе с его узкими, извилистыми улицами и площадями неправильной формы регулярная площадь с четко выявленной главной осью». Мечеть находилась в самой оживленной части города. Как писал известный арабский географ X в. ал-Мукаддаси, соборная мечеть города была «расположена посреди рынков».

В уникальной энциклопедии суфийских терминов «Райхан алхакаик в а бустан ад-цакаик («Базилик истин и сад тонкостей»), принадлежавшей Мухаммаду сыну Муссы ад-Дербенди и написанной в начале XII в., хорошо показана жизнь многих известных тогда ученых, деятельность которых была связана с мечетью. Именно здесь проходила в основном религиозная деятельность верховного кадия (кади ал-кудат).

С середины XII в. здесь стали назначать на эту должность местных шейхов, хотя нередко и с «согласия» Багдада. Известны имена некоторых имамов соборной мечети. В конце XI в. имамом был здесь приезжий богослов Абу-л-Хасан ал-Басри. Вплоть до установления власти Сельджуков имамом соборной мечети Дербента был местный шейх, сын муэдзина этой же мечети Абу Бакр б. ал-Му'адзин ал-Баби. Долгое время главой шиитской общины ал-Баба был в середине XI в. Ахмад б. ал-Хусайн из рода ал-Гадаир. Кстати, в Дербенте обнаружена

эпитафия на его могиле. Арабский текст гласит: «Шейх ал-имам кади кадиев (кади ал-кудат) Ахмад, сын ал-Хусайна, – да помилует его Аллах». (Эта надмогильная плита ныне хранится во дворе исторического факультета ДГУ). Все приведенные выше данные убедительно показывают, что в Дербенте жило и творило много ученых, за которыми стояли различные богословские школы, и что с соборной мечетью города связана деятельность многих представителей высшего мусульманского духовенства, которое занимало высокое общественное положение и играло немаловажную роль в духовной жизни городского общества.

В настоящее время существует два мнения о первоначальном облике Джума-мечети. Одни исследователи считают, что этот памятник возник первоначально как христианский храм, перестроенный позже, а именно в первой половине VII в., в мечеть. Другие же склонны думать, что с самого начала это здание возродилось именно как мечеть. Первое мнение кажется наиболее правильным, подтверждаемым источниками, прежде всего новыми материалами археографических исследований. Большое количество мусульманского населения, в частности арабских эмигрантов, жило и в районе, прилегающем к Дербенту, особенно в области Табасаран. Именно по его территории проходила знаменитая Горная стена (Дагбары), составляющая часть Дербентского оборонительного комплекса. В этой стене на определенном расстоянии друг от друга были построены сильно укрепленные форты, где обычно находились арабские воины и их семьи. При мирной ситуации арабы обосновались и в соседних селениях. Строительство мечетей здесь было, разумеется, делом обычным. Но старые здания, как правило, не сохранились. А количество сохранившихся в Табасаране – единицы. К этим единицам и относится мечеть в табасаранском селении Зиль, что в километрах 15 на северо-западе от Дербента. Мечеть расположена в 500 м к западу от селения, на возвышенности, которую местные жители называют «Уллу мечит» («Большая мечеть»). Это однокамерное прямоугольное в плане строение, его внутренние размеры 13 x 9 м.

Как известно, из многочисленных квартальных мечетей Дербента не сохранилась ни одна. Такова судьба культовых сооружений другого крупного города, расположенного также на равнине, на западном берегу Каспийского моря, – Семендера бывшей столицы Хазарии, основательно разрушенного русскими в 965 г. А до этого, по единодушному мнению многих арабских географов X в., в этом веротерпимом городе бок о бок жили мусульмане, христиане и иудеи, которые ходили в свои мечети, церкви и синагоги. Никаких следов этих памятников до нас не дошло. Это на равнине. В горах же положение памятников мусульманского культа оказалось более благополучным.

Сохранились надписи и записи о строительстве мечетей в Караюре, Ихреке, Дербенте, Цахуре, Хиве, Калакорейше, Хнове, Рутуле, Шиназе, Риче, Мишлеше, Кубачах, Тама. Появились важные сведения о строительстве минаретов в Дербенте, Цахуре, Кубачах, Короде, Ханаки (общежития суфиев), Рутуле, крепостей в Тпиге, Цахуре, Караюре. Само расположение этого древнего селения на правом берегу Самура, на пересечении торговых путей из Дербента и Северного Азербайджана в Южный Дагестан, не могло не оказать воздействия на его развитие, на связи с ближневосточным миром.

Мечеть расположена в центре селения, она неоднократно разрушалась, неоднократно же и восстанавливалась. В первоначальном виде мечеть представляла собой четырехугольное здание, вытянутое с востока на запад (точнее, с северо-востока на юго-запад). Два ряда колонн (по 3 колонны в каждом) поддерживали плоскую крышу. Стены сложены из рваного местного камня, а столбы круглой формы, сложенные из красного кирпича и затем оштукатуренные, опираются на квадратные базы.

Как известно, к особенностям средневекового мусульманского искусства относятся широкое распространение эпиграфических текстов и эпиграфического орнамента, где текст надписей как бы дополнял и совершенствовал декоративный узор. То же самое мы наблюдаем в Караюринской мечети. Верхнюю часть всех баз опоясывает широкая эпиграфическая лента.

Все надписи – на арабском языке, цветущим куфи. Одна из надписей гласит: «Исхак, сын Хасана уповаает на Аллаха». Очевидно, здесь зафиксировано имя мастера-строителя.

Поражают разнообразие и совершенство орнаментальных мотивов, изящество, стройность куфических букв. Перед нами замечательный памятник декоративно-прикладного искусства. Среди памятников подобного рода штукковые рельефы Каракюре занимают важное место в странах мусульманского мира. Их можно отнести к X в. Есть еще один выдающийся памятник резьбы по штукатурке – это михраб главной мечети селения Калакорейш – бывшего города, столицы сильного феодального владения Кайтага (Хайдак), правители которого носили титул уцмий. Ныне бывшая блестящая столица в развалинах. В середине XIX в. (1861 г.). Калакорейш посетил известный российский востоковед академик Б.А. Дорн. Это он открыл для науки мечеть селения, дал зарисовки великолепного штуккового михраба XII–XIII вв., свидетельствующего о высоком уровне культурных контактов мастеров Дагестана, Ирана, Средней Азии. Академик посетил также медресе при мечети, а ученики медресе вручили ученому, к его удивлению, два стихотворения-послания, написанные на превосходном арабском языке. Вторично этот памятник был открыт в 1968 г., когда селение посетила экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

В селение можно попасть несколькими путями: со стороны знаменитого центра ювелиров Кубани, по дороге, которая раньше считалась колесной («уцмийская дорога»). Более трудный путь: через селение Дибгалик, что над высоким и крутым обрывом. Узкая каменистая тропинка ведет к мосту над рекой Буган, а потом подъем – путешествие длиной в два километра. Есть и третий путь, ранее наиболее «популярный»: из Маджалиса прямо на Калакорейш, минуя Уркарах. Калакорейшская мечеть с превосходным штукковым михрабом вошла благодаря усилиям ученых (в первую очередь М.М. Дибирова) в историю культуры как ценный памятник культового зодчества и декоративно-прикладного искусства мусульманского мира.

Калакорейш – «Крепость курейшитов» – действительно был крепостью, которая сыграла выдающуюся роль в истории народов Дагестана как крупный административно-политический, культурный и идеологический центр средневековой эпохи. Здесь сохранились первоклассные источники материальной и духовной культуры (мечеть XII–XIII вв., о которой уже упоминалось, могильники с «полуцилиндрическими» надгробиями или традиционными каменными стелами, надгробия, мавзолей и пантеон кайтагских правителей-уцмиев, сторожевые и сигнальные башни, караван-сарай, мельницы, старые кварталы, главная площадь селения, медресе, ток для молотбы зерна, памятники арабской эпиграфики).

Калакорейи. «Арабское кладбище». X–XI вв.

Мы дали описание только трех мечетей. К их числу можно добавить еще ряд древних культовых сооружений Дагестана. Это «дворовая мечеть» XII в. с 17 сохранившимися каменными базами – фигурными опорными столбами; мечеть в сел. Фите Агульского района с куфическими текстами XI в. на деревянных конструкциях; знаменитая мечеть XI–XII вв. в сел. Рича с надписями о героическом сопротивлении монгольским отрядам в 1239 г. Вплоть до XV–XVI вв. продолжалось строительство мечетей, и к концу этого времени культовые сооружения обслуживали почти все население Дагестана.

Первые мечети, главные культовые сооружения мусульман, были, конечно, одновременно очагами образования. Мечеть (араб. «масджид» – «место, где совершают земные поклоны») первоначально нередко выполняла светские и политические функции. До появления медресе обучение и значительная часть культурной жизни концентрировалась в мечети. Мечеть повсеместно была начальной школой. Можно лишь теоретически предположить, что в мечетях формировались первые рукописные книжные собрания, где ведущее место занимали, конечно, Кораны, комментарии к ним.

Известно, что формирование первых книжных собраний и центров образования, мактабов и медресе связано, прежде всего, с Багдадом, столицей Арабского халифата, крупнейшим очагом науки, образования и культуры. В X – XI вв. здесь было учреждено несколько библиотек, известных под названием «домов знания». Они совмещают три функции: библиотеки; здесь работали ученые и велось преподавание. Вскоре они уступают место библиотекам, стоящим при вакфных учреждениях – мечетях, медресе, больницах, мавзолеях. В XI в. вся территория халифата была покрыта сетью вакфных библиотек.

Первые мусульманские медресе возникли в городах Маверан-нахра и Хорасана в X в. В Багдаде медресе было создано Низам ал-Мулком, могущественным сельджукским везиром. Созданное им в 1064 – 1066 гг. медресе получило название Низамийа. В 60–90 гг. XI в. медресе были основаны и в других городах Сельджукской империи (Нишапур, Герат, Исфахан, Мерв, Мосул и др.). Все они назывались Низамийа.

Кубани. Мечеть XV в.

В Дагестане также первое медресе связано с именем Низам ал-Мулка, т. е. возникло одно из ранних в мусульманском мире Низамийя. Еще при жизни Низам ал-Мулка (ум. в 1092 г.) в верховьях Самура, в селении Цахур, возникло медресе шафиитского мазхаба. Здесь работали кади, проповедники, преподаватели мусульманского права. В этом медресе была организована переводческая работа, здесь перевели на «лакзанский язык» трактаты двух знаменитых шафиитских ученых.

Далее идет триумфальные шествия медресе по Дагестану. В 1227 г. зафиксировано медресе Хаджи Махмуда, в селении Ашты, где было переписано сочинение знаменитого хадисов (мухаддис) ал-Багави.

В 1404–1405 гг. в Кубачах реставрировано медресе, оно существовало и во второй половине XIV в. Лет через 25 здесь была соборная мечеть. В Дербенте в 1475 г. ширваншах Фаррух Йасар построил медресе, которое по имени его основателя стало называться «Фарруховским». Можно предположить, что в XIV–XV вв. медресе были в ряде других дагестанских селений, где функционировали к тому времени мечети, в том числе и соборные, достаточно крупные (Кумух, Ахты, Рутул, Тпиг, Рича, Хунзах, Худуц, Губден, Хнов, Аркас, Ансалта, Эндирей и др.).

Более того, представители дагестанской духовной элиты стали играть важную роль в идеологической жизни Северного Кавказа и Поволжья. Как писал арабский путешественник Ибн Баттута (ум. в медресе Шебана ал-Убуди (т. е. из селения Обода), Мухаммада ал-Куддуки (из сел. Кудутль), Дауда из сел. Усиша, Дамадана из Мегеба, Ибрахима из Урады, Гасана из Кудали, Мирзаали из сел. Ахты, Мухаммада ал-Яраги, Джамалудина Гази-Кумухского, Саида Араканского, Абдурахмана из Газикумуха, Гасана Алкадари, Абу-суфьяна Акаева, Али Каяева и др. История этих медресе совершенно не изучена, нет данных о времени их строительства,

нет систематического обзора деятельности хотя бы одного из многочисленных дагестанских медресе.

Сел. Кудутль, родина Мухаммеда Кудутлинского (1652–1717 гг.)

Сел. Корода. «Ихйа улум ад-дин» ал-Газали. Рукопись XV в.

Сел. Корода. Мечеть «Ас-Сихах» – толковый словарь арабского языка. Список XV в.

Однако в настоящее время мы располагаем большим числом арабских рукописей, переписанных в указанных и в других дагестанских медресе в XVII–XIX вв. Исследования послед-

них лет показали, что работа по переписке рукописей была сосредоточена в основном в медресе и мечетях, охватывая почти все крупные дагестанские селения.

О курсе обучения в медресе мы располагаем интересными сведениями. Дагестанский автор Абдула Омаров в своих «Воспоминаниях муталима», написанных в 60-х гг. XIX в., сообщал о программе обучения в дагестанской мусульманской школе: «По окончании арабской азбуки» детей учат «необходимым правилам религии, как то: вероучению о единстве Божьем, признании добра и зла, существовании ангелов и Пророков». Все это заканчивается в книге «Усул ад-дин». Затем идет чтение и изучение следующих книг: «Тасриф» – грамматика арабского языка; «Миат амил» («Сто управляющих»); «Унмузадж» – сочинение по морфологии; «Сададдин», «которая служит объяснению к книжке Тасриф»; «Динкузи» – по грамматике арабского языка, как и «Вафия», «Джами»; книги по началам логики – «Исагуджи», «Шамсийа», «ал-Фанари», потому что «логика, употребляемая у мусульман, имеет прямой целью служить в помощь доказательствам тех оснований, на которых стоит Коран». Вслед за логикой изучают «Маан» (риторику); правила арабского стихосложения; книги по мусульманской юрисдикции в их числе «ал-Махалли» и комментарии к Корану, такие как «Джалал» и сочинение Ибн Хаджара «Джавами»; редко – математика и «Акаид» по тавхиду».

Абдурахман из Газикумуха (1837–1901) в своем «Тазкира» дал широкий спектр наук, распространенных в Дагестане: «Их двенадцать: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание (Пророка), суфизм, риторика (маан, байан, бади, риторика, стилистика, поэтика – все эти три отрасли считаются за одну науку), ал-муха-дара и ал-хуласа... Что касается остальных наук, то ими занимаются у нас редко, особенно илм ал-хуласа, при помощи которой исчисляются многие цифры».

Переписка рукописей приняла грандиозные размеры. В настоящее время сотрудниками центра востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН и преподавателями факультета востоковедения Дагестанского государственного университета выявлено около 300 частных и мечетских рукописей (в основном арабских) коллекций, тематически разнообразных и охватывающих хронологически XV–XX вв. Изучение книжной продукции, имевшей хождение среди читающих слоев населения, показало, что, хотя переписка их на месте, часть их поступала до XIV–XV вв. из различных стран Ближнего Востока и Средней Азии. Начиная с XV века поступление рукописных книг из ближневосточных стран в Дагестан практически прекратилось. Читательский спрос и потребность в учебной и научной литературе удовлетворялись почти полностью местными силами. Наблюдается резкое повышение статуса катибов – переписчиков. Это стало, в свою очередь, поворотным пунктом истории рукописной книги и рукописных собраний Дагестана. Не странно поэтому, что в сохранившихся собраниях основную часть рукописей представляют собой тексты, переписанные местными катибами – переписчиками для нужд медресе и мечетей, для пополнения собственного книжного фонда или же по заказу.

Мы уже знаем нескольких катибов – профессионалов. Один из них по имени Харун, сын Ахмада аш-Ширини (т. е. из селения Шири) специализировался в переписке Коранов, толковых словарей арабского языка, этико-догматических трактатов. Уже известно около 9 сочинений, переписанных им в течение 1481–1515 гг. Ряд сочинений переписывался особенно часто. К ним относятся Кораны, тафсиры, сочинения по праву, принадлежащие ан-Навави, ал-Махалли и Ибн Хаджару, грамматические сочинения Ибн ал-Хаджиба, ат-Тафтазани, Абдаррахмана Джами.

В XII–XVII вв. особый интерес был проявлен в Дагестане к сочинениям выдающегося представителя средневековой арабской науки Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058–1111).

В Дагестане найдено более 40 рукописных экземпляров его сочинений по суфизму этике, мусульманскому праву переписанных в XII–XVII вв. (помимо двух) – в селениях Акуша, Шари,

Муги, Кубачи, Аракул, Вихли, Химейди, Урада, Гоцатль, Кумух, Гочоб, Карача, Мулебки, Обода, Мугурух, – такова обширная «дагестанская география» научных трактатов Ал-Газали.

В истории средневекового Дагестана важная роль принадлежала дагестанскому селению – устойчивому центру традиций материальной и духовной культуры. Крупные селения – столицы феодальных владений или союзов сельских обществ были одновременно и очагами непрерывного культурного процесса – Тарки, Хунзах, Ашты, Тпиг, Кумух, Уркарах, Худуц, Чох, Согратль, Бежта, Цудахар, Акуша, Анди, Калакорейш, Ахты, Хучни, Рутул, Цахур, Корода, Кахиб, Эндирей, Кубачи, Хив, совмещали в себе функции административных торгово-ремесленных единиц, не уступая городам по интенсивности влияния на всю округу. Важные сдвиги произошли в хозяйственной жизни дагестанского общества. На всем Северном Кавказе только в Дагестане четко прослеживается процесс выделения отдельных селений из сферы земледельческого труда (например, Кубачи и ряд других населенных пунктов). Специализация отдельных дагестанских селений, вернее их роль в формировании культурного облика микрорегиона или же более обширных территориальных единиц, дает возможность пересмотреть сложившееся представление о том, что только города шли в авангарде культурной жизни. Крупные населенные пункты и исламские учебные заведения в них стали очагами распространения знаний. В них и реализовались задачи приобщения к культурному наследию мусульманского мира: хранение и переписка рукописей, поступивших из стран Ближнего и Среднего Востока; развернутая преподавательская деятельность, подготовка кадров духовной элиты; создание собственно дагестанской оригинальной литературной традиции.

Начиная с X в. в Дагестане происходит становление и функционирование собственно дагестанской литературной системы (суфийские, исторические, правовые, грамматические, богословские трактаты, философия, медицина, этика, математика, поэтическое творчество и т. д.). Новый материал позволяет поставить вопрос о периодизации этого процесса, проследить процессы усвоения и использования арабской литературной традиции.

Исследования отечественных и зарубежных востоковедов дают основание утверждать, что литература X–XV вв. представляет собой своего рода «предысторию», ранний этап создания местной, дагестанской литературы на арабском языке. Среди дошедших до нас памятников творческого наследия дагестанских авторов X–XV вв. основное место занимают исторические сочинения – «Дербенд наме», вернее, источники этого свода исторических хроник; «История Ширвана и Дербенда»; «История Абу Муслима»; «Тарих Дагестан»; одноаульные памятные записи; «История Каракайтага»; «Хроника Махмуда Хиналугского».

Титульный лист сочинения Мухаммед-Тахира ал-Карахи (1809–1880) «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах».

Разумеется, исторические сочинения не были единственной жанровой категорией литературной и научной деятельности в Дагестане в X–XV вв. А.К. Аликберов показал, что к началу XII в. в Дербенте уже существовали устойчивые традиции хадисоведения и составления суфийских трактатов (прежде всего здесь речь идет о выдающемся памятнике дагестанской историографии – суфийском трактате Абу Бакра Мухаммада ад-Дербенди под названием «Базилик истин и сад тонкостей»). До нас дошел также этико-догматический трактат «Вафк ал-мурад» («Соответствие предмету желаний» Ахмада ал-Йамани (ум. в 1450 г.), написанный в Кумухе. Однако жанр исторических сочинений был наиболее значимым числом сочинений, созданных в процессе формирования общедагестанской литературной традиции.

Наивысшим достижением оригинальной творческой традиции была литература XVII–XIX веков, созданная усилиями многочисленных ученых и преподавателей медресе, энциклопедически образованных и оставивших универсальное наследие. Мы не останавливаемся на творчестве отдельных ученых, их имена (от Шабана из Ободы до Али Каяева) ныне широко известны. Их научная и преподавательская деятельность, тематическое разнообразие их наследия (история, мусульманское право, грамматика арабского языка, этика, суфизм, поэзия, медицина, математика) стали выдающимся явлением интеллектуальной жизни дагестанского общества. Наивысшего подъема это литературное наследие достигло в XIX веке. Это связано, прежде всего, с политическим фоном творчества – народно-освободительным движением 20-50-х гг. XIX века под руководством Шамиля.

Рукописные и старопечатные книжные коллекции, сохранившиеся до наших дней, продолжают традиции средневековых книжных собраний и отражают их тематическое разнообразие. Изучение коллекций показывает господство арабского языка; преобладание (почти монополию) сочинений шафиитского права; наличие сборных, обычно тематически однородных рукописей (включающих иногда до 10–15 единиц описания); своего рода «специализация» отдельных собраний; наличие владельческих и дарственных записей; определенный, уже сложившийся набор сочинений по грамматике арабского языка, мусульманскому праву, логике; список имен дагестанцев – переписчиков и владельцев рукописей; практика передачи рукописных собраний по наследству по трафаретной формуле; движение и мобильность отдельных рукописей и их собраний; набор определенных художественных оформлений переплета; массовые «вставки», приуроченные к конкретной странице и зачастую имеющие самостоятельную ценность и т. д.

Ныне предпринимаются плодотворные усилия по изучению нашего богатого культурного наследия. Ведется работа по созданию каталогов частных и мечетских рукописных и книжных собраний. Это будет беспрецедентным явлением в практике востоковедения, обогатит наши представления о культурном диалоге Дагестана со странами Ближнего и Среднего Востока, значительно расширит источниковедческую базу исследований по истории и культуре народов, расположенных на «периферии» исламского мира. Работа российских, в том числе дагестанских, востоковедов, а также итоги археографических экспедиций последних лет показали, что в сфере арабской книжной культуры и формирования таких культурных очагов, как медресе и книжное собрание, понятие «периферия» является условным. Обилие рукописных собраний, количество и тематический подбор текстов, активная работа по размножению рукописей, их «плотность» в среде своего обитания выдвигают Дагестан (особенно в XVII–XIX веках) в число крупных очагов книжной культуры. Исследования памятников рукописной культуры дали возможность установить общие закономерности формирования книжных коллекций, причины их особого роста в XIX веке. Высказанное известным дагестанским ученым Гасаном Алкадари (1834–1910 гг.) мнение о том, что наиболее ранние библиотеки Дагестана относятся к XVIII веку, ныне значительно поколеблено, вернее, устарело, так как мы располагаем уже данными о частных библиотеках в XV–XVI веках. Теоретически, однако, историю библиотек можно ввести с конца XI века, когда в Дагестане были созданы первые медресе (понятия медресе и библиотека были в то время неотделимы друг от друга).

Одна из особенностей общественного устройства дагестанского общества начиная с раннего средневековья (примерно с V века) и до середины XIX в., на протяжении около полутора тысячи лет – это устойчивая децентрализация политической власти, отсутствие единой централизованной власти в общедагестанском масштабе, продолжительное существование нескольких небольших государств, государственных образований и нескольких десятков независимых или полунезависимых союзов сельских общин. Своеобразие подобного рода общественной структуры заключалось в том, что эта децентрализация сопровождалась, как ни странно, экономическим, культурным, идеологическим единством дагестанского общества в целом.

Этнокультурное единство народа Дагестана «дополнялось» единством экономическим, сложившимся в основном к X веку, нередко – политическим единством, в основе которого лежало объединение государств в годы борьбы за национальную независимость. Победа ислама в XVI веке в общедагестанском масштабе означала торжество идеологического союза в регионе. Кстати, реформы 60-х годов XIX века, приведшие к ликвидации ханств и образованию Дагестанской области, завершили процесс формирования комплекса факторов, определивших единство в культурной, административной, хозяйственно-экономической и идеологической сферах.

Литература

1. Аликберов А.А. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2002.
2. Абдурахман из Газикумуха. Книги воспоминаний / Пер. с араб. М.-С. Саидова; ред., коммент. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова Х.А. – Махачкала, 1997.
3. Большаков О.Г. История Халифата П. Эпоха великих завоеваний. М., 1993
4. Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
5. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV века. Махачкала, 1996.
6. Ислам на территории бывшей Российской империи // Энциклопедический словарь. М., 2006. Т. 2. (Статьи А.К. Аликберова).
7. Кудрявцев А.А. Феодалный город. М., 1993.
8. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. соч. М., 1960. Т. VI.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и центральную Европу (1131–1153) // Публикация Д.Г.Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 26–27.
10. Саидов М.-С. Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке. М., 1964.
11. Ханмагомедов С. Дербент. Горная стена: Аулы Табасарана. М., 1979.
12. Халидов А.Б. Арабская рукописная традиция. М., 1985.
13. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. М., 1984.

Древние города Дагестана

Город-музей Дербент

М.С. Гаджиев

На западном побережье Каспийского моря, там, где горы Кавказа почти подходят к морскому побережью, оставляя лишь узкую трехкилометровую полосу равнины, раскинулся древний Дербент – второй по величине и значению город Республики Дагестан и самый южный город Российской Федерации, крупный центр виноделия, ковроткачества, туризма. Дербент – один из древнейших городов Кавказа. Его история насчитывает пять тысячелетий. Возникнув в глубокой древности, он из маленького поселения превратился в один из крупнейших средневековых городов Востока. Он пережил бурные исторические события, штурмы и разрушения, периоды расцвета и упадка, служил ареной кровопролитной борьбы и «яблоком раздора». На него претендовали Римская империя и Парфия, Сасанидский Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, государство сельджуков и Золотая орда, сефевидские шахи и турецкие султаны, российские императоры. Здесь побывали многие известные полководцы и завоеватели средневекового Востока – выдающиеся арабские военачальники Маслама ибн Абдалмалик и Марван ибн Мухаммад, сельджукские полководцы Сау-Тегин и Йагма, прославленные соратники Чингиз-хана – Джебэ и Субудай, «Властелин мира» Тимур и правитель Золотой орды Тохтамыш, турецкий султан Селим и основатель государства Сефевидов шах Исмаил. В Дербенте пребывали знаменитый правитель Ирана шах Аббас и «Гроза Вселенной» Надир-шах. Здесь «прорубил окно» на Восток император Петр Великий.

Но Дербент привлекал внимание не только видных политических, государственных деятелей. О нем сообщают греческие и римские писатели, средневековые византийские, сирийские, кавказские, турецкие авторы. Ценнейшие сведения о Дербенте содержатся в трудах многих арабо-персидских историков и географов IX–XIII вв. и более позднего времени. Посетить Дербент и увидеть его достопримечательности стремились многие средневековые путешественники, которые в своих сочинениях оставили немало интересных, исторически значимых сообщений об этом древнем городе. Это арабы Ахмед ибн Фадлан (X в.) и Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.), венецианцы Марко Поло (XIII в.) и Иосафат Барбаро (XV в.), русские Афанасий Никитин (XV в.) и Федот Котов (XVII в.), англичане Христофер Бэрроу (XVI в.) и Антон Дженкинсон (XVI в.), немцы Адам Олеарий (нач. XVII в.) и Георг Тектандер (XVII в.), голландцы Ян Стрейс (XVII в.) и Корнелий де Брейн (кон. XVII–нач. XVIII в.), турок Эвлия Челеби (XVII в.) и многие другие.

Своей богатой историей и необычной судьбой Дербент в огромной мере обязан своему географическому местоположению. Он возник в одном из самых стратегически значимых мест знаменитого международного Прикаспийского пути – важной военной и торговой трассы, с древнейших времен связывавшей народы и страны Закавказья и Переднего Востока с Юго-Восточной Европой. Отсюда и немаловажная роль Дербента в истории многих племен и народов древности и средневековья. Отсюда и многочисленные (свыше 20) наименования этого города, данные ему теми или иными народами и подчеркивающие его географическое положение и стратегическое значение. Это такие названия, как *лат.*, *греч.* «Каспийские ворота», *греч.*, *ср. – перс.* «Албанские ворота», *арм.* Чор (от *вост.* – *иран.*, *ср.:* *ягноб.* чор «узкое место», *осет.* чух «узкий проход»), *груз.* Чора, Дзгвис-кари («Морские ворота»), *сир.* Торайе, *греч.* Тзур, Зуар, *араб.* Сул, Баб ал-абваб («Ворота ворот»), Баб ал-хадид («Железные ворота»), *перс.* Дар-

банд («Плотина ворот», «Узел ворот»), *тюрк.* Темир-капы («Железные ворота»), *рус.* Железные врата, Дербень и др.

Древние стены Дербента

Географическая ситуация и благоприятные природно-климатические условия обусловили обживание этого места с глубокой древности. Как установлено раскопками, которые ведутся в Дербенте с 1971 г. археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сначала под руководством проф. А.А. Кудрявцева, а с 1996 г. – автора этих строк, первое поселение возникло здесь в эпоху ранней бронзы – на рубеже IV–III тысячелетий до н. э., т. е. пять тысяч лет назад. Многочисленные и разнообразные находки – остатки жилищ, ямы для хранения зерна, керамическая посуда, каменные топоры и зернотерки, кремневые вкладыши серпов и др. – говорят о том, что первыми поселенцами здесь были древние земледельцы.

На рубеже VIII–VII вв. до н. э. на вершине дербентского холма возводятся примитивные оборонительные сооружения. Возникновение здесь укреплений, контролировавших проход между морем и горами, видимо, было связано с активизацией кочевников – киммерийцев, скифов и савроматов, обитавших в южнорусских и предкавказских степях. Как сообщает древнегреческий историк, «отец истории» Геродот (V в. до н. э.), скифы, преследуя киммерийцев, «пошли верхней дорогой, оставляя Кавказские горы по правую руку», т. е. вдоль берега Каспийского моря, через Дербентский проход в Закавказье и Переднюю Азию, где они обосновались почти на 30 лет. Как полагают исследователи, этот поход состоялся в начале VII в. до н. э., и о пребывании скифов в Дербенте и Приморском Дагестане свидетельствуют, в частности, так называемые «скифские» наконечники стрел. Такие же наконечники стрел были найдены при раскопках древних городов Урарту, Ассирии, Вавилонии, подвергшихся нападениям воинственных кочевников.

Роль Дербента и Дербентского прохода особенно возрастает с последних веков до н. э., когда крупнейшие и могущественные государства античного мира – Рим и Парфия – столкнулись в борьбе за Кавказ. В их противостоянии большая роль отводилась воинственным кочевникам Северного Кавказа и Предкавказья – сарматам и аланам, которые привлекались римлянами и парфянами в качестве наемников. Превосходная, хорошо вооруженная конница номадов, пройдя через кавказские проходы, главными из которых были Дербентский и

Дарьяльский, часто определяла исход военной кампании и влияла на политическую ситуацию на Кавказе.

Появление на рубеже эр в Дербентском проходе новых оборонительных сооружений нашло отражение в сведениях античных авторов. В I в. н. э. применительно к проходу начинает употребляться, наряду с обычным *portae*, *πύλαι*, *ύραι* («ворота», «проход», «двери», «вход»), название *claustra*, обозначавшее в военном отношении «пограничная крепость», «вал», «стена», «преграда». Замечу, что у авторов сер. – втор. пол. I в. н. э. Корнелия Тацита, Марка Аннея Лукана и Гая Валерия Флакка термин *Caspia claustra* (*claustra Caspiarum*) использован в военно-политическом контексте, при описании военных акций. Это усиливает понимание данного топонима как военно-стратегического объекта, наряду с его географическим значением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.